

Н.А.Кащей

РИТОРИКА РАННЕГО АБСОЛЮТИЗМА (БАЛЬДАСАР КАСТИГЛИОНЕ)

Работа была направлена на селективную реконструкцию конкретной историко-философской концепции политики со специфическим интересом: выявить роль и значение языка в практике социально-политического регулирования раннего Абсолютизма. При анализе ряда общих черт и системных условий функционирования речи в эпоху становящегося абсолютизма определены границы ее уместности, которые оратор не может нарушать, если хочет исполнять свою функцию в этой системе и гарантировать личное преуспеяние или, по крайней мере, социальное существование. Языковое поведение в этих условиях превращается в инструмент социального и политического самоутверждения, именно такая функция отводится риторике графом Бальдасаром Кастиглионе, который впечатляюще раскрывает как образовательный идеал, так и идеал человека итальянского двора эпохи Возрождения. В этом идеале, как мы пытались показать, речь идет скорее о привнесении культивировавшегося в античности риторического знания в новый поведенческий идеал, который должен способствовать формированию нового социального типа придворного.

Ключевые слова: мнение, власть, риторика, ранний абсолютизм, риторическое самоутверждение, риторическое изящество, школьная риторика, коммуникативная элегантность, Бальдасар Кастиглионе, Бальтазар Грасиан

Функциональная модель элегантного риторического самоутверждения возникает в эпоху раннего Абсолютизма, когда закладываются необходимые качества тогдашнего благовоспитанного человека: умение красиво драться на шпагах, изящно ездить на лошади, изысканно танцевать, всегда приятно и вежливо говорить и даже изощренно ораторствовать, владеть музыкальными инструментами, никогда не быть искусственным, но всегда только простым и естественным, до мозга костей светским и в глубинах души верующим. Софистическая изощренность на новой исторической и мировоззренческой почве теперь трансформируется в благородное изящество.

В социальной структуре абсолютизма, иерархической по преимуществу, все определяется местом, ступенью на официальной лестнице — лишь там и могут проявиться, обнаружиться и реализоваться таящиеся в натуре природные дарования, личные призвания. Иерархическое «место» даже выносятся в заголовок этических, эстетических и риторических наставлений: «Пусть в тебе нуждаются», «Избегать побед над вышестоящими», «К каждому подбирать отмычку. В этом искусство управлять людьми» [1, аф. 5, 7, 26] и т.д. Человек данной эпохи — это прежде всего «начальник», либо его «помощник», «советник» (что в конечном счете — одно и то же), а более конкретно — «придворный» своего рода модель «культурного человека» для всякого подвизающегося на поприще культуры — писателя, художника, ученого, мореплавателя: при абсолютизме никому из них не обойтись без покровительства свыше, без пожалованного «места». Решает «место», а его надо завоевать — с помощью искусства, в том числе риторического.

Любопытный тому и яркий пример мы можем найти у Ю.Лотмана: «Описывая свое позднейшее назначение послом в Константинополь, Неплюев включает в мемуары подлинную программную речь, в которой Петр, согласно Неплюеву, излагает теорию просвещенного монарха, ответственного перед Богом за благо подданных и государства. Перед читателем создается такая сцена: бедный, молодой возрастом, не имеющий связей, но усердный и достойный слуга отечества назначается государем на ответственный дипломатический пост. «Я упал ему, государю, в ноги и, охватя оные, целовал и плакал. Он изволил сам меня поднять и, взяв за руку, говорил: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя — смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять, буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я — истец; ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злему и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить» [2, с. 312].

Проблема, по-прежнему актуальна и сегодня, особенно в современной России. Господство «партии власти» и прочих «придворных» партий и объединений, убедительно свидетельствуют о том, идеи подлинного гуманизма в России нуждаются в переосмыслении. Именно отсутствие гуманистической образованности, широты демократических взглядов у «новых политических придворных» является главным тормозом на пути заявленной модернизации России.

В нашу задачу не входит ни критика политической риторики и политических устоев современной России, ни извращенности и декаданса языковой и политической практики при дворе. Речь идет скорее о поиске эвристического потенциала и избавления от предрассудков, в том числе и в теории риторики, по отношению к риторике определенного исторического периода, который называется эпохой Абсолютизма. Поскольку разговор о внутреннем родстве между риторикой и республиканским строем, между красноречием и демократией — устоявшийся миф в исследованиях по теории и практике риторики.

Если беспристрастно посмотреть на историю риторики, то становится понятным, что она имела дело преимущественно с не демократическими отношениями, при этом прекрасно справлялась с выполнением своих различных, в том числе, политических функций. Способность риторики к изменению столь многообразна, что

исчезновение демократического полиса, в котором она возникла, не приводит к ее упадку и исчезновению. Однако можно ли действительно говорить о том, что риторике не нужны усилия с художественным изыском «завербовывать» слушателя на свою сторону, если свое искусство он применяет в государстве, в котором господствует сила и меч вместо аргумента и доказательства? С другой стороны, известные положения риторики Цицерона, в которых он пытается определить роль последней как беспристрастного адвоката свободы, способной отказаться от собственных интересов во благо республики кажутся иногда слишком наивными. Стоит ли воспринимать республиканское красноречие всегда как бескорыстную, хорошую риторику, а красноречие в монархическом государстве всегда лишь как подчиненное интересам карьеры, а посему, утверждающее извращенные формы языковой и политической практики?

Вне всякого сомнения, проявляясь в различных формах языковой культуры, красноречие особенно чувствительно к существующим политическим и общественным отношениям; и без сомнения, оно - очень восприимчивый индикатор изменений их внешних условий. Однако, преподносить эту гибкость риторики в качестве основы декаданса или извращения, как это видится в ее исторических формах проявления многими критиками риторики, представляется не совсем правомочным, а иногда это просто тиражируемое идеологическое клише современного плюрализма. Иначе говоря: в условиях абсолютизма существуют характерные варианты риторики, которые просто не могут описываться как отклонения или искаженные формы идеальной модели республиканского красноречия, идущего еще от классического греческого полиса, поскольку он сам является совершенно определенным идеологическим конструктом.

Анализ придворной риторики мы попытаемся осуществлять не только с позиций неориторики, но и будем прибегать к новейшей риторической традиции уже XXI века, по крайней мере, начала его первого столетия, антропологической риторике [3] и ныне модной философии повседневности. Потому что объектом нашей рассмотрения выступает не столько политическая речь как таковая определенной эпохи, сколько речь в ее особом исполнении определенным человеком, этот говорящий человек — придворный, каким он предстает или должен предстать в работах Б.Кастиглионе, Б.Грасиана.

Нужно отметить, что риторика раннего Абсолютизма мало изученное явление, как в отечественной гуманитарной науке, так и западной, среди российских исследований можно указать на докторскую диссертацию В.И.Аннушкина «Эволюция и содержание предмета русской риторики в истории русской филологии (XI — середина XIX веков)», а также заслуживает внимания немецкоязычный источник Г.Браунгартана [4]. Поэтому начать в сложившейся ситуации стоит с этоса. Условия, в которых функционирует придворная риторика, это — двор в его абсолютистском варианте, он является единой обусловленной строгими иерархиями социокультурной системой, структурируется плотной сетью зависимостей и соотношений сил. Для отдельного придворного структурная связь социальной системы двора обнаруживает себя, прежде всего, как силовое пространство государевой благосклонности и конкуренции. Он находится в постоянной борьбе за расположение и милость монарха.

При этом стоит подчеркнуть — поскольку это принадлежит к исходным условиям придворной службы — что строгость иерархии не означает статичности в организации абсолютизма, наоборот: как раз движение по иерархической лестнице (самый важный регулятор здесь польза для суверена), форсирует конкурентную борьбу свиты. И это касается не только тех, которые хотят подниматься по этой лестнице, скорее это важнее для тех, кто не хочет потерять свой статус. Вероятно, никто не проанализировал конфигурацию двора убедительнее, чем Бальтасар Грасиан-и-Моралес в «Карманном оракуле» (1647), которого в трехстах афоризмах разбираются и иллюстрируются не только антиномии природы и разума, но и механизмы придворного общества в достаточно резкой и циничной форме. Следование правилам и советам трактата должно гарантировать самосохранение и стабильность, содействовать социальному росту; при этом речь идет о росте в пределах иерархии или говоря языком Юргена Хабермаса «репрезентативной общественности». Тот, кто не в состоянии предстать перед этой репрезентативной общественностью действующим настоящим образом, вообще не имеет никакого социального существования.

Поведенческая ориентация, вытекающая из такой констелляции, базируется на антропологии, присущей философским и политическим проектам Макиавелли, Гоббса и др. Речь идет о принципиально «отрицательной антропологии», здесь не доверяют никаким добродетелям индивидуума кроме инстинкта к самосохранению; такой индивидуум никогда не распространяется о своих целях и намерениях открыто, а всегда прячет в шляпу от конкурентов, он не посвящает никого в свои истинные планы, разве что только по стратегическим причинам.

Уже в эпоху позднего Ренессанса в Западной Европе, да не только Европе, испытывают сильную потребность в государственном мышлении, в это же время становится также очевидным (и это никакое не случайное обстоятельство), что традиционное риторическое образование, которое получали будущие юристы и другие университетские специалисты, явно не соответствует запросам социальной практики. Расселина чувствуется совершенно отчетливо между систематизированным зданием классически-гуманистической риторики, как она преподавалась в школе и университете, с одной стороны, и потребностям политической практики с другой. Изучающие университетскую риторику, как правило, на примерах эталонных речей Цицерона, все больше и больше предпочитают римских авторов имперского периода (прежде всего, таких как аналитик власти Тацит), наставления которых в первую очередь способствовали организации придворных дел и канцелярии. Таким образом, уже в 16 веке сформировалась с глубокими средневековыми традициями самостоятельная языковая практика, руководство которой осуществлялась прямыми указаниями — и не в

последнюю очередь множеством формуляров и письменных указаний. Возникают примерные собрания документов, изданий, предписаний и писем, в которых для каждого случая можно было найти соответствующий текстовый пример, достаточно только вставить актуальные требования. Для этого необходимость в школьной и университетской риторике отпадает. Хотя имеются некоторые указания на то, что потребность в систематизации все же существовала, и предпринимать ее пытались в рамках классической риторики.

Из системных условий вытекают далеко идущие последствия для оратора и, конечно, придворного, который должен пытаться — со своей позиции — соответствовать этим условиям, естественно, если он хочет исполнять свою функцию в этой системе и гарантировать личное преуспеяние или, по крайней мере, социальное существование. Языковое поведение в этих условиях превращается в инструмент социального самоутверждения, именно такая роль отводится риторике в сочинении «О придворном» графа Бальдасара Кастиглионе, своего рода книге для придворного, написанной в форме художественно стилизованной учебной беседы, в которой впечатляюще раскрывается как образовательный идеал, так и идеал человека итальянского двора эпохи Возрождения. Спрос на античную риторику здесь повышенный. И все же риторическое знание — прежде всего, из цicerоновского «Оратора» — просто не вводится в новый учебник: речь идет скорее о привнесении культивировавшегося в античности риторического знания в новый поведенческий идеал, который должен способствовать формированию нового социального типа придворного. Диалогическая форма «Книги о придворном» опирается на образцы прозы Платона и Цицерона, ставших учителями для нескольких поколений гуманистов, и отвечает стремлению автора представить придворную среду в качестве типичной формы социальных отношений, или светского «временипрепровождения» (“*intertenimento*”), которое предстает в книге как «игра».

Человек вступает в жизнь, как игрок приступает к азартной игре. Его карты — это случайные, отнюдь не заслуженные им дары Фортуны, от него зависит только игра, ходы, выбор карты: понять положение, внять голосу Жизни — в ситуации и в нем самом, в игроке, — постичь зов жизни, «призвание». Отсюда стилистически — пристрастие к термину «игры». Эта игра сродни хорошей музыке. На вопрос «какая музыка лучше всего?» Бальдассаре Кастильоне отвечал устами некоего мессера Федерико: «Прекрасной музыкой [...] кажется мне та, которая поется с листа уверенно и с хорошей манерой; но еще лучше пение под виолу, ибо в музыке соло, пожалуй, заключается прелесть; красивая мелодия и манера игры замечаются и слушаются с гораздо большим вниманием, ибо уши заняты лишь одним голосом; при этом легче примечается каждая малейшая ошибка, чего нет при пении совместном, где один помогает другому. Но приятнее всего мне кажется пение под виолу для декламации; это придает столько изящества и силы впечатления словам, что просто удивительно!» [5, с. 523-524].

Ключевым понятием этой игры выступает «изящество-изошренность», под которым понимали определенную разновидность небрежности; что бы придворный в рамках общения не делал, на нем должен отсутствовать даже самый незначительный налет утомленности, трудности, искусственности. Искусство здесь проявляется как искусство «скрывать и позволять» появляться всему с определенной естественностью. Этот прием обнаруживает себя уже в античной риторике, здесь же можно наблюдать, как он становится общей установкой кастиглионовского труда. Принцип «искусства сокрытия» Кастиглионе изобличает у античных риториков и привносит в дискурс придворного, расширяя его лингвистическую сферу; обозначенный принцип — как вариант риторической диссимуляции — способствует персуазивности определенного целенаправленного дискурса, поэтому имеет значение для придворного. Более того, все социальное бытие, все параметры самовыражения основываются на этом принципе: видимостью естественности придворный дает понять, что вообще-то у него не идет речь о стремлении к каким-нибудь точечным целям. В конечном счете «изящество» порождает эстетическую дистанцию и делает непроницаемой всю сферу целей. В своем «замысле косвенно выражать» придворный устремлен к цели таким образом, что никогда не дает возможности ее распознать, т.е. всегда уже отображает, будто бы она достигнута.

Риторическая интенциональность в придворной метаморфозе является демонстрационным шоу вносимых намерений, которые становятся, однако, как ни парадоксально, как раз принципом специфически придворных целей. Можно с полным основанием в этом увидеть «работу по аристократическому самоопределению», которая проявляется здесь эстетически обобщенно. «Изящество-изошренность» никогда не предполагает эксплицитного определения установок — нет необходимости преследовать какие-либо цели в социальном самоутверждении — инсинуации о «уже-достижении» своих целей становятся как раз центральным принципом этого социального самоутверждения. «Изящество-изошренность» является не только элегантно отказом от собственных заверений, но и в известном смысле обман публики, так как здесь индуцируются возможные ошибки, которые только усиливаются небрежно скрытыми возможностями совместных действий.

С точки зрения языковой практики формируется новый идеал речи придворной языковой культуры: остроумной, заостренной, который в XVII столетии становится господствующим в риторической моде благодаря иезуитам и элитным авангардным элементом в системе образования Европы. Именно в середине XVII столетия в Западной Европе, да не только Европе, испытывают сильную потребность в государственном мышлении, нестоическая философия Юстуса Липсиуса находит больше и больше приверженцев, все более отчетливо ощущается эволюционный толчок к абсолютизму. Переосмысливается и идеал придворного: на коммуникативную элегантность Кастиглионе накладывается компетентность индивидуальности Бальдасара Грасиана. Однако это тема для другой статьи.

Как следует из нашего анализа, попытка сделать элегантно мнение политически убеждающим приводит в известной мере к абсолютизации прагматического уровня риторики, который связан, как известно, в первую очередь с риторикой как человеческой деятельностью, имеющей социальный характер, вне рассмотрения остается риторическая семантика и семиотика, таким понимание риторического логоса ограничивает его эвристические возможности. Элегантная риторика раннего абсолютизма помогает понять, что логос не есть нечто, обязанное означать предмет, и что слова не должны выражать в первую очередь внутренний мир высказывающего субъекта, ее секрет связан с удовольствием от речи, с удовольствием говорить. Происходит теоретическое переоткрытие софистики, суть которого в обнаружении слова как носителя убеждения, верования и внушения, невзирая на его истинность.

-
1. Грасиан Бальтасар. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1981. 274 с.
 2. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 558 с.
 3. Kopperschmidt J. Rhetorische Anthropologie: Studien rhetorisch Zum Homo. Munchen: Fink, 2000. S. 404.
 4. Braungart G: Hofberedsamkeit. Studien zur Praxis höfischpolitischer Rede im deutschen Territorialabsolutismus. Tübingen: Niemeyer, 1988. 327 S.
 5. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения, М.: Музыка, 1966. 574 с.

References

1. Grasian Bal'tasar. Karmanny orakul. Kritikon [The Pocket Oracle and the art of prudence]. Moscow, 1981. 274 p.
2. Lotman YU. Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations about the Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th — early 19th century)]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1994. 558 p.
3. Kopperschmidt J. Rhetorische Anthropologie: Studien rhetorisch Zum Homo. Munchen, Fink, 2000. S. 404.
4. Braungart G: Hofberedsamkeit. Studien zur Praxis höfischpolitischer Rede im deutschen Territorialabsolutismus. Tübingen, Niemeyer, 1988. 327 S.
5. Muzykal'naya ehstetika zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya i Vozrozhdeniya [Musical aesthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1966. 574 p.

Kashchey N.A. The rhetoric of early Middle Ages (Baldassarre Castiglione). The work was aimed at selective reconstruction of a specific historical and philosophical concept of politics with a specific interest: to reveal the role and significance of language in the practice of socio-political regulation of early absolutism. In analyzing a number of common features and systemic conditions for the functioning of speech in the age of becoming absolutism, the limits of its relevance are defined that the speaker can not violate if he wants to fulfill his function in this system and guarantee personal prosperity or at least social existence. Linguistic behavior under these conditions turns into an instrument of social and political self-affirmation, it is this function that is given to rhetoric by Count Baldasar Castiglione, which impressively reveals both the educational ideal and the ideal of the man of the Italian Renaissance courtyard. In this ideal, as we have tried to show, it is rather the introduction of rhetorical knowledge cultivated in antiquity into a new behavioral ideal that should contribute to the formation of a new social type of courtier.

Keywords: opinion, authority, rhetoric, early Absolutism, rhetorical self-affirmation, rhetorical grace, school rhetoric, communicative elegance, Baltasar Gracian, Baldassarre Castiglione.

Сведения об авторе. Н.А.Кашей — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Гуманитарный институт; Nikolay.Kashchey@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.